

ТОМ
ПИСАТЕЛЕЙ

АНДРЕЙ
ТАЮШЕВ

 Кушкина

Андрей Таюшев Об Пушкина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9741993
ISBN 978-5-4474-0881-7*

Аннотация

Аня Герасимова (Умка): «Мне трудно писать о стихах Таюшева, ведь это один из моих ближайших друзей. Для гения он слишком хороший парень, кроме того, у него безошибочный вкус и чувство юмора, в том числе самоирония, а гениям это не свойственно. Но он является редким в наше время представителем традиционной поэтической школы: стихи не про форму и не во имя её, а про жизнь и собственные размышления».

Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

Содержание

Улыбка спокойного отчаяния	5
«Родина тянет к себе, как магнит...»	8
«Синие дали, синие дали...»	9
«Над смыслом всё хлопчешь...»	10
«Ночь в русском городе на севере. Зима...»	11
«Город С. Не рай, не ад...»	12
«Не останавливайся и не...»	14
«В городских заповедно-дремучих лесах...»	15
«Что не так? Ща, скажу тебе, что не так...»	16
«Се – странный человек, вернее – человечек...»	18
«Слов в языке, словно звёзд – не счесть...»	19
«Со мною вот что происходит...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Об Пушкина

Андрей Таюшев

© Андрей Таюшев, 2015

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2015

Редактор Ната Сучкова

Корректор Нина Писарчик

Создано в интеллектуальной издательской системе

Ridero.ru

Улыбка спокойного отчаяния

Больше десяти лет назад, при очередной перемене мест, некоторые из моих вещей оказались у одних моих московских друзей. В какой-то момент там оказалась также некоторая часть меня, и я решила использовать это редкое совпадение, чтобы слегка почистить свой архив: была такая коробка, куда складывались приносимые слушателями носители, с дальнейшей целью когда-нибудь всё это проинспектировать и рассортировать. Критерий был прост: всё, что начиналось не с сакраментального «Дощщ...», подвергалось дальнейшему прослушиванию, но, увы, этого было довольно мало. Вдруг с одного диска донёсся симпатичный мужской голос: «Я все меньше пью, но быстрее косею...». Там была улыбка спокойного отчаяния и полное отсутствие рисовки, и я тут же позвонила по указанному телефону, где ровно тот же голос сообщил, что мы как раз недавно познакомились. Тут всё и срослось. Дело было так: в течение нескольких лет в разных городах, от Саратова до Ярославля, в первых рядах на наших концертах появлялся похожий на чёртика сухощавый мужичок с очень живыми чёрными глазами. Видно было, что он прекрасно всё понимает. Скоро мы стали здороваться, наконец, я его поймала и говорю: «Колись, ты вообще откуда? А то у меня когнитивный диссонанс». Оказалось, что, в общем-то, более или менее, отовсюду, а живёт

в Вологде, причем пьёт уже настолько меньше, что вовсе завязал. Что, в общем-то, и спасло ему жизнь, по крайней мере, на ближайшее время.

Мне трудно писать о стихах Таюшева, ведь это один из моих ближайших друзей. Для гения он слишком хороший парень, кроме того, у него безошибочный вкус и чувство юмора, в том числе самоирония, а гениям это не свойственно. Но он является редким в наше время представителем традиционной поэтической школы: стихи не про поэтическую форму и не во имя её, а про жизнь и собственные размышления. Пишет он очень легко и ловко, иногда (на мой взгляд) чересчур подробно, но всегда честно и по делу.

Я не знаю собеседника лучше Таюшева. Поэтому я просто задам ему три вопроса.

– Когда и как ты начал писать стихи?

– Лет в семнадцать, после того, как прочитал Мандельштама. Всё, что я успел написать до армии, было эпигонским подражанием Мандельштаму, и всё это, к счастью, пропало.

– Как ты относишься к нынешнему поэтическому буму?

– А разве он есть, поэтический бум? Я не заметил.

– О чём твои стихи, какая в них главная тема?

– Ускользающее время. Попытка его зафиксировать и тем самым побороться со смертью. Борьба со смертью во всех её проявлениях.

Как писали в советских аннотациях: Пожелаем же автору удачи в его борьбе. И по возможности поборемся плечом к плечу на его стороне.

А. Герасимова (Умка)

«Родина тянет к себе, как магнит...»

Родина тянет к себе, как магнит,
Вроде, нет места для прежних обид.
Ты возвращаешься с криком «ура»,
В сердце зияет дыра.

В чёртову, чёрную эту дыру
Время летит, ты стоишь на ветру,
Глядя беспомощно, как сквозь неё
Прошлое мчится твоё.

Всё, что ты помнил до этой поры,
Улицы, люди, дома и дворы,
Всё улетает навек в никуда,
Вот тебе весело, да?!

Нечего, нечего больше терять,
Ты, рот открыв, остаёшься стоять,
Временем взятый на наглый гоп-стоп,
Всё потерял, остолоп.

«Синие дали, синие дали...»

Синие дали, синие дали,
Дали, куда мы, когда то, шагали
Вместе, свободой дыша.
Но не свободой пахнуло, а серой,
Небо из синего сделалось серым,
Цвета, как будто, мыша...
Впрочем, навязывать взгляд свой не буду,
Важно, кто смотрит, куда и откуда.
Видим мы разное все —
Кто видит небо, кто стену, кто сцену,
И за просмотр платим разную цену,
В жизни крутятся колесе...

«Над смыслом всё хлопочешь...»

Над смыслом всё хлопочешь,
Всё крутишься вокруг,
Понять ты что-то хочешь...
А надо ли, мой друг?

Мараешь чистый лист ты,
Терзаешь чей-то слух,
Но жизнь летит со свистом,
А мир всё так же глух

К твоим дурацким песням,
К твоим смешным речам...
Ответа нет, хоть тресни,
И пусто по ночам.

«Ночь в русском городе на севере. Зима...»

Ночь в русском городе на севере. Зима.
Желтеют фонари и снег под ними,
На улице безлюдно, как в пустыне,
И ни окошка не горит в домах.

Всё словно вымерло. А ты один и мал,
Настолько мал – в огромном мире, ночью,
Что ты не можешь спать, не зная точно,
Ни кто ты есть, ни как сюда попал.

«Город С. Не рай, не ад...»

Город С. Не рай, не ад.
Тут не дно, а днище.
Конса. Липок аромат.
Есть музей Радищева.
Чернышевский смотрит вслед,
На нём очки-велосипед,
Одет он в каменный сюртук.
Он говорит: «Что делать, друг?
Родился тут и тут помрёшь,
Как мышь, как клоп, как вошь».

А раньше тут ещё играл духовой оркестр,
Прямо на проспекте, у кинотеатра «Пионер».

Когда мы были молодыми,
Когда мы были молодыми,
Азербайджанка тётя Валя
Варила самый вкусный кофе.
Когда мы были молодыми,
Когда мы были молодыми,
Летели шарики по небу,
И жёлтые, и голубые.
И нам казалось – не умрём мы,
Никто, нигде и никогда...

«Не останавливайся и не...»

Не останавливайся и не
Думай жать на тормоза,
Не то душа в тебе остынет
За полчаса.

Журавель в воздухе растает,
Синичка хвостиком махнёт,
Душа – как комната пустая.
Ну, вот.

«В городских заповедно- дремучих лесах...»

В городских заповедно-дремучих лесах
Всякой нечисти – невпроворот.
И слышны, тут и там, мертвецов голоса
Тем, кто слышит, и кто разберёт.

Бормотанье, и вскрики, и жалобы их —
Или смех, или плач, или вой?
Ими полнится мир весь – от сих, и до сих.
Ты идёшь к ним, они – за тобой.

Не стихающий гул прорывается в стих,
Что, быть может, напишешь потом.
Если ты его слышишь – не думай, что псих,
Если даже и псих, в остальном.

«Что не так? Ща, скажу тебе, что не так...»

Что не так? Ща, скажу тебе, что не так:
Тебя радовал раньше шум моря, вой ветра и лязг атак.
Ты сквозь них различал свою музыку. Нынче всё это
стихло,
Тихо стало слишком. И это – неважный знак.

Что не так? Вероятно, то, что живу, греша,
Забывая, что еле жива душа,
Пропуская месяцы, дни и годы,
Исправляться, в общем-то, не спеша.

Что не так? То, что, помня о Судном Дне,
Продолжаешьдохнуть, лежать на дне,
Обрастая тиной иллюзий, ленью,
От пути спасения – в стороне.

Но когда душа, исцарапав грудь
Изнутри, свою проявляет суть,
Ты так рад этой острой внезапной боли —
Значит, жив и вырвешься как-нибудь,

Может быть, из этой трясины дна,
Где одна лишь муть, пустота одна,

Знать – не всё пропито, не всё пропето,

Глядь – полоска света вдали видна.

«Се – странный человек, вернее – человечек...»

Се – странный человек, вернее – человечек,
Он, становясь скупей, день ото дня, и мельче,
Свой мозг насилует по двести раз на дню,
Молчит или несёт какую-то фигну.

Се – странный человек, наставив Богу свечек,
Он Бога позабыл, и был расчеловечен.
Всем дням недели он предпочитал четверг.
Умеренность во всём. Сияние отверг

Разверзнутых небес, застряв на полдороге,
Он стал один из тех, он стал одним из многих,
Кто сдался так легко, на всё махнув рукой,
И помер, прежде чем успел воскликнуть: «ой!»

Да, этот персонаж скорее мёртв, чем жив.
Он сам себя нагнул, себя определив,
Сославшись на судьбу, страну, эпоху, век,
В разряд обычных жертв. Обычный человек.

«Слов в языке, словно звёзд – не счесть...»

Слов в языке, словно звёзд – не счесть.
Слово бывает, как Дар, как Весть,
Молния – слово, слово – Удар под дых,
Слово – как Песня, или хотя бы Стих.

Слово способно путь осветить, согреть,
Жизнь вернуть. Или направить в Смерть.
Слово бывает, как шум, как лязг, как скрип,
Звон колокольный или скрипичный всхлип.

А у меня кончились все слова,
Пуста голова, да и душа едва
Теплится в теле, сжалась комком внутри,
Словно фонарь, тусклым огнём горит.

Может быть – старость, может, немея – так
Души и сходят, свет потеряв, во мрак.

«Со мною вот что происходит...»

Со мною вот что происходит:
Я чувствую, как жизнь проходит.
Со всеми тоже происходит,
Примерно, то же происходит.
И что потом произойдёт,
Известно тоже: смерть приходит,
Берёт за ручку и уводит,
Туда, туда, где леший бродит.
«Ну, – говорит, – шагай вперёд,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.